

ЛАНСЕЛОТ

Sirin

Sirin

Ланселот

«Автор»

2026

Sirin

Ланселот / Sirin — «Автор», 2026

Ланселот выходит на турнирное поле против человека, которому обязан верностью. Это всего лишь потешный бой на затупленном оружии, под взглядами двора и королевы, и сегодня никто не должен умереть. Но что именно должно остаться от человека после боя, чтобы можно было сказать, что он его пережил?

Содержание

Ланселот	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Sirin

Ланселот

Ланселот

Какая глупость была смотреть на солнце, надеясь, что упорство хоть раз возьмет верх над самым устройством вещей и он достоин эту тяжбу до конца, не сморгнув и не отвернувшись первым, и получит за верность чему-то большему, чем осторожность, хоть какую-нибудь награду помимо рези под веками. И все же смотрел, задрав лицо и раскрыв светлые глаза тогда, когда всякому в здравом уме полагалось бы их сощурить, смотрел прямо в белый гвоздь, вбитый в середину выцветшего неба, и ловил ту первую, лживую долю мгновения, когда еще кажется, будто выдержишь и будто на этот раз оно моргнет первым.

Но глаза тут же налились горячей водой, дальний конец полосы и помосты поплыли и пошли двоиться, белый гвоздь рассыпался на рой мелких злых искр, и все в нем закричало отвести взгляд, а он удержал, из того стыдного, невытравимого с детства упорства, каким брал когда-то измором стылую воду озера и собственный детский страх, и если есть на свете хоть одна вещь, которую берут не силой и не хитростью, а тем только, что не отступаешь, когда отступают все, то знать это надо было сейчас, не рассудком, а вот этими слезящимися, наполовину ослепшими глазами. Он уже почти поверил, что довольно еще одного вдоха, и...

— Мессир, — окликнул его снизу оруженосец.

Заморгал, часто и мелко, сгоняя с ресниц горячую муть, смахнул тыльной стороной перчатки слезу, что поползла по скуле к подбородку, и повел глаза вниз, где после солнца все плавало в темных пятнах.

Оруженосец стоял у левого стремени, задрав к нему потное веснушчатое лицо, одной рукой держал узду беспокойно переступавшего боевого коня, а другой протягивал наверх тяжелый горшковый шлем с крестовидной прорезью, поддерживая его снизу ладонью, как подают полную до краев чашу. Конь всхрапнул и повел боком, звякнула бахрома на попоне. По всему длинному, огороженному крашеными барьерами полю стоял ровный слитный гул набитых народом трибун, треск орехов да собачья грызня где-то под помостами, над которыми на шестах висели, обмякнув в безветрии, штандарты, а поверх всего плыл приторный церковный дух ладана, кое-как наброшенный на вонь пота и конского навоза.

Начищенное железо поднялось к нему снизу, и в выпуклом боку шлема, надраенном песком и суконкой до слепого блеска, качнулось и выгнулось чужое, растянутое отражение, в котором он не сразу узнал себя, прилипшие ко лбу светлые от пыли волосы да воспаленные глаза, глядевшие на него со стороны. Засмотрелся, на один лишний вдох дольше, чем стоило, потому что выпуклое железо развело его лицо надвое по светлому шву на металле, и половины не сходились, жили каждая сама по себе и гляделись одна в другую через тонкую полоску блеска. Под стеганкой сделалось мокро и холодно разом, язык прилип к небу, и он поймал себя на том, что считает заклепки по краю обруча, вторую, третью, будто это чему-то поможет. Считал он их, впрочем, не поэтому, а чтобы не считать другого, ремней под левой подмышкой у чужого доспеха, где кольчуга расходится и где затупленное копьё, если принять чуть выше и левее, все равно пройдет, и никто на всем поле не назовет это иначе как несчастьем.

За спиной пропела труба, коротко и резко, и на середину полосы выехал герольд в коротком, шитом гербами налатнике, привстал в стремях и, оборачивая коня то в одну, то в другую сторону, прокричал на четыре конца поля так, чтобы доставало до самых дальних рядов:

— Во славу и без гнева, на затупленном оружии, сходятся ныне Артур, милостью Божьей король бриттов, и Ланселот Озерный, первый меч Круглого Стола! Не за обиду бьются они, но в честь и в потеху всему честному двору!

И на каждую сторону, куда летели эти имена, трибуны отвечали ревом и топотом ног по доскам, так что штандарты вздрагивали на шестах, а отражение в железном боку качнулось последний раз, когда оруженосец повернул шлем прорезью к нему, и собственное вытянутое лицо стерлось, сменившись темной крестовиной глазниц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.